

В.Г. ФЕДОТОВА

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СУЩНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Будучи заведующей сектором социальной философии в Институте философии РАН, я часто сталкиваюсь с ситуацией, когда при обсуждении той или иной работы кто-нибудь просит: «А что здесь социально-философского» или «Почему Вы считаете, что Ваша книга относится к социальной философии?», а кто-то другой скажет: «Все, что Вы говорите, это – область философской антропологии (философии политики, философии права, теоретической социологии), а не социальной философии» или: «Ваша монография имеет междисциплинарный характер и не относится к социальной философии».

Что-то постоянно останавливает меня от участия в подобной полемике, напоминающей бесплодные дискуссии о предмете философии периода моих аспирантских лет. Я согласна с С.Е. Ячиным в том, что, ставя вопрос о предмете социальной философии, мы пытаемся выстроить философию в качестве позитивной науки¹, а философия, с моей точки зрения, – это философия, а не наука.

«Социология философий»

Ошибочным мне кажется убеждение, что для того, чтобы заниматься социальной философией, надо точно знать, что это такое. Часто бывает, что человек, посвятивший этому уяснению едва ли не жизнь, ничего в социальной философии не сделал. Я вижу также в этом уход от предмета исследования, непонимание подвижности границ между дисциплинами, непонимание принципиальности междисциплинарности.

Рассуждая о философских дисциплинах вне предметного контекста, т.е. не по поводу конкретного исследования, мы попадаем в область изучения, переданную временем науковедению или пытаемся построить некое фило-

Федотова Валентина Гавриловна – доктор философских наук, профессор, заведующая сектором социальной философии Института философии РАН.

¹ Ячин С.Е. Социальная философия как самореферентная аналитика опыта совместного бытия // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. V. Вып. 1–2 (15–16). С. 70.

софование. Но, если такой раздел знания существует или должен существовать, то его методы не могут быть почерпнуты из социальной философии.

Единственный известный мне автор – Р. Коллинз², который проделал эту работу в отношении философских направлений, подобно тому как Т. Кун в отношении науки, и назвал ее «социологией философий», использовал не философские методы, а новые методы – анализа философских сообществ или философских сетей.

По мнению Коллинза, «мы могли бы проследить данные сети... вплоть до наших дней. Некоторые связи достаточно просты: в Америке – от Куайна и Рейхенбаха к Пантэму, от Карнапа к Рорти, от Поппера к Фейерабенду; во Франции – от Мерло-Понти к Фуко и Даррида, от Арона к Бурдьё; в Германии – от Хайдеггера через Оскара Беккера к Хабермасу.

Но у нас нет способа узнать, о ком (если о ком-либо вообще) будут помнить как о выдающейся или второстепенной фигуре... Такова уж природа пространства интеллектуального внимания.

Оно внутренне образовано потоком конфликтов и перегруппировок через поколения, а наша значимость как мельчайших человеческих узелков в этой долговременной сети производится не нами самими, но процессами резонанса (курсив наш – В.Ф.), превращающими некоторые имена и символы того, что произошло в памятных поворотных пунктах данного потока»³.

В России сообщество социальных философов складывается плохо, как и научные сообщества вообще, мы не выделяем из своей среды общепризнанных научных лидеров, своих Попперов и Фейерабендов. Существуют кланово-корпоративные тенденции, проявляющиеся в игнорировании известных работ по причине неуважения к представителям вне клана или в другом клане находящихся ученых. Увы, чаще кланов, чем школ⁴.

² Изданию его книги, насчитывающей 1281 страницы большого формата, на русском языке мы обязаны Н.С. Розову.

³ Там же. С. 1016.

⁴ Упомяну статью В. Пантина «Сможет ли российская наука понять, что происходит в России?», в которой автор не назвал никого, кроме Н. Бердяева, Г. Федотова, Н. Кондратьева. Здесь нет людей, заслуживших признание своими работами по проблемам России – Т.А. Алексеевой, А.С. Ахизера, Ю.Н. Давыдова, О.В. Гаман, Гефтера, Н.Н. Зарубиной, В.Л. Иноземцева, Б.Г. Капустина, И.М. Клямкина, В.А. Красильщикова, В.М. Межуева, А. Миграняна, С.А. Никольского, А.С. Панарина, И.К. Пантина, Ю. Пивоварова, Е.Г. Плимака, Н.Е. Покровского, Ю.М. Резника, А.И. Уткина, А.Ф. Филиппова, А.И. Фурсова, В. Хороса, А.С. Ципко, В.Л. Цимбургского, В.А. Ядова и многих, многих других, не говоря уже об ученых из провинции, нет полемике с ними, если нет согласия, нет упоминания никаких журналов, где бы на высоком уровне обсуждалась эта проблематика. Высказывается разочарование в молодом поколении ученых, полностью игнорируется среднее поколение, забыто старое поколение. По иронии судьбы я выступила экспертом одного из российских фондов и рекомендовала книгу В. Пантина к изданию. Одна из глав его книги посвящена теории модернизации. Не так уж много авторов в нашей стране пи-

Кроме того, индекс цитирования российских ученых (характеризующий упомянутый Коллинзом резонанс их деятельности за пределами сообщества) остается за рубежом низким.

На всех международных конференциях российские философы выглядят вполне достойно⁵, но их труды мало переводятся на иностранные языки, не принимаются в ведущие журналы Запада по причинам, которые можно характеризовать как неадекватная научная политика Запада в отношении посткоммунистических стран, разочаровывающее невнимание к достижениям ученых этих стран и их теоретической деятельности.

Трое венгерских ученых охарактеризовали деятельность западных фондов как структуры, безусловно, поддерживающие ученых посткоммунистических стран материально, но при этом обязывающие их работе в сфере базы данных или освоения западных теорий, но не допускающие даже предположительной возможности или способности венгерских ученых к производству новых теорий⁶.

В этой связи кажется совершенно неоправданным мнение А. Багатурова, который сетует на то, что миллионы потраченных Западом долларов не привели к росту самостоятельных теоретических достижений российской науки об обществе⁷. Эти траты привели к тому, чего хотел Запад — к освоению западной науки и философии в посткоммунистических странах, к посткоммунистической идеологизации. И эти задачи выполнены.

Если заняться философией или социологией социальной философии, то мы, пожалуй, встанем перед совсем иными задачами, чем социальная философия: изучением ее эволюции, смены идей в результате социальных изменений, конкуренции сообществ, образования сетей и связей между социальными философами. Различие социальной философии и социологии социальной философии будет примерно таким, как между физикой и историей физики, которая включает в себя и анализ социальных условий формирования познавательного аппарата. Это можно также сравнить с

различием работы ученого и методолога. Ученый решает проблемы, а методолог работает совсем с другой реальностью — с методами ученого, а не с объективным миром природы или общества.

Коллинз предлагает такую методологию анализа истории философии (и практически реализует ее), которая рассматривает философские изменения не только как продукт интеллектуальной эволюции и конкуренции, но как следствие формирования и соперничества интеллектуальных сетей, институционализированных через университеты или «невидимые колледжи».

Через университеты интеллектуалы получали контроль над своей интеллектуальной основой, формировали идеологию университетской революции через философию. Подобно тому, как в социологии знания наука перестает рассматриваться в отрыве от социальной среды и соответствующего ей уровня познавательных средств, включает институциональные особенности своего воспроизводства, в «социологии философий» Коллинз впервые подверг сходному анализу философские учения.

Что же такое социальная философия?

Теоретическая работа в области социальной философии в значительной мере определена традицией, как философской классики, так и современными тенденциями.

Часто приходится сталкиваться с ситуацией, когда идеологическая перестройка и даже радикальный переход ряда социальных философов на позиции либерализма не изменили научных парадигм, оставили их прежними (относящимися к историческому материализму).

Суть тут в том, что старые способы исследования действуют вопреки мнению их носителей о том, что они следуют другим принципам. Это качественным образом отличается от позиции тех исследователей, которые сознательно остались на позициях исторического материализма, приложили усилия к его развитию.

Идущая в журнале «Личность. Культура. Общество» полемика идеи относительно содержания социальной философии и ее современных задач, инициированная Ю.М. Резником, представляется мне необходимыми как раз именно потому, почему я не решаюсь начать дискуссию о социальной философии: из-за парадигмальной неясности, расплывчатости предметной области, путанице в понимании того, чем она занимается и должна заниматься.

В дискуссии приняли участие признанные специалисты (В.С. Барулин, М.С. Каган, В.Ж. Келле, В.Е. Кемеров, К.Х. Момджян, К.С. Пигров, Н.С. Розов и др.), и она обозначила как сходства, так и различия в ответе на эти вопросы.

В свете этого можно выделить несколько значений социальной философии.

1. Как философия вообще, поскольку ее составные части, выделенные Кантом, — логика, физика и этика, дополненная эпистемологией, методоло-

шет на эту тему. В частности, ваш покорный слуга является автором нескольких книг и ряда статей по теории модернизации, ежегодно печатается в журнале «Вопросы философии» и др. Я нашла ссылку только на свои тезисы в никому неведомой брошюре. Если бы речь шла о несогласии, это было бы другим делом. Но ведь речь идет о клановости.

⁵ Есть другие мнения. Например, Н. Греков сомневается в творческом потенциале российского сообщества, работающего в социально-гуманитарных науках. Возможно, его жесткие оценки могут быть отнесены к некоторому числу, возможно и немало, российских ученых, но наука не является массовой профессией. И оценки ее состояния лучше делать по значимым образцам, которых немало. См.: Греков Н. «Методологический кризис» или скрытая деградация // Pro et Contra / Зима—весна 2001. Т. 6. № 1—2. С. 178—182.

⁶ Gsepely G., Orkeny A., Scheppele K.L. Acquired Immune Deficiency Syndrome in Social Science in Eastern Europe // Social Research. Summer 1996. Vol. 63. № 2. P. 489—509.

⁷ Багатуров А. Десять лет парадигмы освоения // Pro et Contra. Зима 2000. Т. 5. № 1. С. 195—201.

гией науки, либо в новой трактовке — гносеология, онтология, этика/аксиология, предложенной в данной дискуссии Н.С. Розовым, имеют социальную обусловленность, возникли на определенном этапе развития общества и форм взаимодействия людей.

Многие сегодня сомневаются в том, что в наш век материализма в философском смысле слова философия имеет значение. Даже на XXI Всемирном философском конгрессе (Стамбул, август 2003) некоторые докладчики говорили о смерти философии, размывании ее предметной области, о том, что философия занимается теперь всем, чем угодно. Тема конца философии, конца метафизики, сегодня представленная в трудах многих философов, в частности у Ю. Хабермаса, не является новой.

Американский исследователь Р. Коллинз, подробно изучивший интеллектуальные изменения в глобальном масштабе, показывает переменчивые отношения между метафизикой и наукой, метафизикой и религией, подмечает закономерность, которая возможно действует и сегодня: «Декарт и его современники, пытаясь заменить философию наукой, тем не менее, строили свои программные аргументы на почве философии».

Сторонники секуляризации, надеясь положить конец религиозному раздору, изгоняли метафизику как остаток теологии, но при этом сами сплетали *другую сеть абстрактных вопросов*. Данный паттерн повторяется: вновь и вновь *попытка уничтожить философию создают некий более высокий уровень, на котором происходит дальнейшее расширение сферы философии*⁸ (курсив наш. — В.Ф.).

Самый замечательный ответ о сущности философии дал мой далекий от совершенства компьютер, когда я, желая проверить программу перевода, предложила ему короткий текст, начинающийся словами: «Она работает в Институте философии». Компьютер перевел: «Она работает в Институте первопринципов». А первопринципы есть в логике, физике, этике, в гносеологии, онтологии, в том числе и социальной, этике и аксиологии, и все они укоренены во взаимоотношениях людей и их общественных связях.

Коллинз четко показал, что мы не можем рассматривать проблемы социальной философии как следствие только филиации идей. Они всегда есть результат перекрещивания деятельности научных сообществ, университетских кафедр и деятельности соответствующих подразделений Академии наук, индивидуального научного творчества, социальных запросов на этот тип знания и пр., но вовсе не объективный продукт, в котором бы отражалось действительное или истинное положение дел, ибо это положение дел складывается из множества составляющих, в том числе из интеллектуальной деятельности философов и их самосознания, их стремления организовать, защитить и наполнить содержанием свою область знания.

⁸ Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002. С. 801.

2. Социальная философия как аспект философской деятельности, относящийся к изучению общества у тех исследователей, кто работает в философии. Именно в таком смысле чаще всего употребляется термин «социальная философия» в западных источниках: «социальная философия Платона», «социальная философия Конта», «социальная философия Бертраана Рассела» и пр.

Когда философ сомневается в своей способности и значимости, ему следует помнить о своей ответственности за формирование мысленного проекта будущего, который мы можем найти у Гоббса (преодоление войны всех против всех посредством передачи функций легитимного насилия государству), Локка (ограничение своеволия государства гражданским обществом, но возможность соперничества и войн между государствами), Канта (проект вечного мира).

Это социальная философия в ее лучшем виде. Только принимая во внимание социологический аспект дискуссии по проблемам социальной философии, можно увидеть, что конкуренция точек зрения может практически сказаться на институциональных изменениях в ее преподавании и организации исследований по социальной философии в исследовательских институтах. Это означает, что философ, сознавая значение первопринципов, особо остро ощущает их необходимость и даже необходимость духовной революции, сталкиваясь с неудовлетворяющим его состоянием общества, с огрубленной и плоской социальной реальностью.

3. Социальная философия как одна из философских дисциплин, изучающая предельные основания социальной жизни, человеческих взаимоотношений и общежития. Именно здесь действуют образовательные стандарты, выделяющие эту дисциплину в специальность, стандарты ее содержания и пр. С той или иной степенью различия эта дефиниция социальной философии была базовой в журнальной дискуссии.

Что я сказала нового, так это призвала: а) не отождествлять социальную философию с социологией социальной философии, но и не упускать ее из вида; б) усомниться в смерти философии и сказать, что ее жизнь зависит если не от нас, то от тех, кто будет после нас и в) отметила, что тема социальной философии не сводится к выделению дисциплины и показала, что содержание этой дисциплины связано не с ее предметом, местом, а скорее с ее способностью применить первопринципы или сформулировать их для проблемного поля социальных изменений и для решения социальных проблем.

Иными словами, изучать общество не так, как его бы стал изучать ученый, а под углом зрения перспектив его наилучшего будущего, а значит и нашей профессиональной ответственности за него. Призыв к антропологическому повороту в философии сегодня важен, так как в условиях радикальных социальных трансформаций многое зависит от того, каков человек.

Но, вместе с тем, этот поворот не означает ухода от проблем общества, так как люди в массе своей таковы, каково общество. Когда разрушается со-

циальное, приходится изучать культурное. Когда разрушается культурное, приходится изучать психологическое. Когда рушится психологическое, приходится говорить о биологическом. И снова собирать все это в новое мысленно сконструированное психологическое, культурное, социальное.

Поэтому мне совершенно не нравится попытка подмены понятия общества, социального, социальности, как говорит М.С. Каган, общением, коммуникацией, взаимодействием людей.

Я предпочитаю точку зрения Т. Парсонса о том, что на уровне взаимодействия мы можем иметь недостроенное до общества социетальное сообщество, ограниченное функцией интеграции. В отличие от него общество выступает как сложившаяся система, достроенная доверху и имеющая иерархию уровней и полноту функций (адаптация, достижение целей, социальная интеграция и воспроизводство культурных и прочих образцов).

П.К. ГРЕЧКО

ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ: ОПЫТ РЕФЛЕКСИИ

Предметное самоопределение социальной философии – занятие, на первый взгляд, дежурное и рутинное. Да, прежде чем что-то изучать, надо это «что-то» выделить, очертить, вписать в уже существующую сетку совокупного интеллектуального труда общества. Но все дело в том, что в случае социальной философии (именно как философии – подчеркнем это для определенности) предметность изначально проблемна – выделением и очерчиванием тут явно не обойтись.

По верному замечанию Ортеги-и-Гассета, «физику и математику заранее известны границы и основные атрибуты их объекта (предмета, – П.Г.), поэтому они начинают не с проблемы, а с того, что выдается или принимается за известное». В отличие от них, «философ... берется за то, что само по себе неизвестно»¹.

Далее, дисциплинарная предметность социальной философии глубоко исторична. Течение времени оставляет на ней свои отметины в виде тех или иных изменений, интенсивностей, акцентов. Все это приходится постоянно отслеживать, рефлексивно «обрабатывать», дополнять и уточнять, обновляя тем самым существующие ориентации и установки. Особую проблемную остроту историчность предмета изучения приобретает на переломных этапах развития. Последний такой этап в нашем культурном развитии очерчен временем перестройки.

Перестройка в отечественной философии представлена прощанием – где-то громким и радостным, где-то тихим и грустным – с марксизмом в форме диалектического и исторического материализма. Роль социальной философии в марксизме выполнял как раз исторический материализм, т. е. такой взгляд «на ход всемирной истории, который конечную причину и решающую движущую силу всех важных исторических событий находит в эконо-

Гречко Петр Кондратьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии Российского университета дружбы народов.

¹ Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., 1991. С. 77.